

Иван Гончаров

**Полное собрание сочинений и
писем в двадцати томах Том 5**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г65

Г65 **Гончаров И.**
Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах Том 5 / Иван Гончаров – М.: Книга по Требованию, 2012. – 484 с.

ISBN 978-5-4241-1924-8

Литературное наследие Ивана Александровича Гончарова (1812—1891) не обширно. За 45 лет творчества он опубликовал три романа, книгу путевых очерков "Фрегат «Паллада», несколько нравоописательных рассказов, критических статей и мемуары. Но писатель вносил значительный вклад в духовную жизнь России. Каждый его роман привлекал внимание читателей, возбуждал горячие обсуждения и споры, указывал на важнейшие проблемы и явления современности. Именно поэтому интерпретация его произведений в статьях выдающихся критиков эпохи — Белинского и Добролюбова — вошла в сокровищницу национальной культуры, а созданные им в романах социальные типы и обобщения стали средством самопознания и самовоспитания русского общества.

В настоящее Собрание сочинений И. А. Гончарова вошли все значительные художественные произведения писателя, а также литературно-критические статьи, рецензии, заметки. Произведения расположены в хронологическом порядке.

ISBN 978-5-4241-1924-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Иван Александрович Гончаров
Полное собрание сочинений и
писем в двадцати томах Том 5

Обломов: Роман в четырех частях. Рукописные редакции. – 2003

И.А. ГОНЧАРОВ

Фотография начала 1860-х гг.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

С.-Петербург

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. А. ГОНЧАРОВ

— * —

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

2003

ТОМ ПЯТЫЙ

ОБЛОМОВ

РОМАН

В ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЯХ

Рукописные редакции

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

2003

УДК 8(47)82

ББК 84(0)5

Г 65

Редакционная коллегия

В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Е. А. КРАСНОЩЕКОВА,
Т. И. ОРНАТСКАЯ (зам. главного редактора), М. В. ОТРАДИН,
К. САВАДА, Н. Н. СКАТОВ, П. ТИРГЕН,
В. А. ТУНИМАНОВ (главный редактор)

Тексты рукописных редакций и варианты подготовили
А. Г. ГРОДЕЦКАЯ, С. Н. ГУСЬКОВ, Н. В. КАЛИНИНА,
Т. И. ОРНАТСКАЯ, А. В. РОМАНОВА

Редакторы тома

Т.А.ЛАПИЦКАЯ, Т. И. ОРНАТСКАЯ

Исследовательская работа проведена

при финансовой поддержке

Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),

проект № 00-04-00167а

Подписное

ISBN 5-02-028409-2 (Т. 5)

ISBN 5-02-028257-X

© Российская академия наук, 2003

© Издательство «Наука», 2003

5

РУКОПИСНЫЕ РЕДАКЦИИ

Первоначальная редакция части первой

В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов. Это был человек лет тридцати пяти от роду, полный, гораздо полнее, нежели обыкновенно бывают люди в эти лета. Независимо от этой благоприобретенной полноты, кажется, и сама природа не позаботилась создать его постройнее. Голова у него была довольно большая, [туловище] плеча широкие, грудь крепкая и высокая: глядя на такое

¹ могучее туловище, непременно ожидаешь, что оно поставлено на соответствующий ему солидный пьедестал, – ничего не бывало. [Подставкой туловища] [Туловище] Подставкой служили две коротенькие, слабые, как будто измятые чем-то

² ноги. Цвет лица у Ильи Ильича [не имел никаких ярких оттенков] ни румяный,

³ ни смуглый, ни положительно бледный, а так себе,

⁴ безразличный. Взгляд беспечный, рассеянно переходивший от одного предмета к другому, иногда усталый, больше апатический. Волосы уж редели на маковке. Можно было предвидеть, что этот человек обрюзгнет и опустится совсем, но теперь

⁵ его от этого пока спасали еще лета. Впрочем, <л. 1>

⁶ оклад [лица] и черты лица у него были

6

довольно приятные, мягкие. Нельзя сказать, чтоб на этом лице не сквозило ума, только ум, по-видимому, не был постоянным и самовластным хозяином физиономии Обломова: он, как церемонный гость, приходил, кажется, посидеть у него в глазах, в улыбке, чтобы озарить

⁷ на время покойные черты лица, [почти не сообщая им игры и движения] а потом вдруг, при появлении первой тучки, выбежавшей на лицо от внутреннего волнения, тихонько пропадал, точно так же как пропадает и гость, пользуясь приходом другого. Ум не отстаивал своей позиции и не боролся с беспокойными пришельцами, он бежал. И тогда лицо Обломова волновалось то нерешительно-стию,

⁸ то тревогой и испугом, смотря по тому, какое чувство наполняло его душу. Ум появлялся опять не прежде, как когда налетевший ураган

7

исчезал с лица сам собою. Но и волнения, так же как ум, ненадолго напечатлелись на лице Ильи Ильича: оно тотчас принимало свой обычный характер беззаботности, покоя, по временам счастливого, а чаще равнодушного, похожего на усыпление.

И как шел домашний костюм Обломова к этим покойным чертам круглого лица его

⁹ и дородного корпуса.

¹⁰ На нем был халат <л. 1 об.> из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него и всё

еще бы осталось материи на какой-нибудь парижский полуфрак. Рукава, как водится в Азии еще со времен Тамерлана, а может и раньше,

¹¹ шли от пальцев к плечу всё шире и шире. Хотя халат Ильи Ильича и утратил свою первоначальную свежесть и местами заменил свой первобытный лоск другим, приобретенным впоследствии, носил также кое-где следы разных масляных яств и неосторожных прикосновений, но всё еще сохранял яркость восточной краски и прочность ткани.

Халат имел в глазах Обломова тьму неоцененных достоинств. Он был так мягок, так гибок: тело не чувствовало его на себе; он, как послушный раб, чуть-чуть незаметно покорялся самомалейшему движению тела. Халат не ежится, не торчит, нигде не режет, сжимается в тесный комок или развивается широкой пеленой, великолепно драпируясь около тела. Илья Ильич иногда

¹² вдруг то плотно обовьется халатом, как статуя греческой богини, которой контуры сквозят чрез прозрачные покровы, и бескорыстно любит рельефами своего «л. 2» тела, то, как египетский истукан, обвешается бесчисленными складками или обнажит грудь и одно плечо, а на другое накинёт халат, как тогу. Обломов иногда любил заняться этим в свободное время. Он всегда ходил дома без галстуха и без жилета, с открытою грудью, в панталонах из какой-то почти невесомой материи, потому что любил простор и приволье. Туфли на нем были длинные, мягкие и

8

широкие, так что, не глядя и опуская ноги с постели на пол, непременно попадал в них.

Лежанье у Ильи Ильича не было ни потребностью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя. Это было его нормальным состоянием.

¹⁴ Когда он был дома, а он был всегда дома, он всё лежал, и всё постоянно в одной комнате, где мы его нашли, служившей ему спальней: у него было еще три комнаты, но он редко туда заглядывал, утром разве, и то не всякий день, когда человек мел его кабинет, чего всякий день не делалось. В тех комнатах «л. 2 об.» мебель закрыта была чехлами, шторы спущены.

Комната, где лежал Илья Ильич, с первого взгляда казалась прекрасно убранною. Там стояло бюро красного дерева, два дивана, обитые шелковою материею, красивые ширмы с вышитыми небывальными в природе птицами и плодами. Потом

¹⁵ шелковые занавесы, ковры, несколько картин, бронза, фарфор и те ненужные вещицы, которые нужным считает иметь у себя всякий так называемый порядочный человек. Словом, условия комфорта и порядочности были, по-видимому, соблюдены до мельчайших подробностей. Но опытный глаз человека с чистым вкусом беглым взглядом на всё, что тут было, прочел бы только или мещанскую претензию на роскошь, убаивающуюся в павлиньи перья и рассчитывающую на эффект подешевле, или только желание кое-как соблюсти *decorum* неизбежных приличий, лишь бы отделаться от них. Обломов хлопотал, вероятно, о последнем, когда убирал свой кабинет. Утонченный вкус не удовольствовался бы этими тяжельными, неграциозными стульями красного дерева, этими [шатающимися] шаткими этажерками; ящиков никак нельзя было выдвинуть из стола сразу: они, со скрипом и с визгом, беспрестанно останавливались на ходу; задок у одного

дивана оселся вниз, наклеенное дерево местами

9

отстало. Всё показывало, что это была скороспелая работа Гостиного двора.

Точно тот же характер «л. 3» носили на себе и картины, и вазы, и все мелочи. На картине, изображавшей, по словам хозяина, Минина и Пожарского, представлена была группа людей, из которых один сидел, зевая, на постели с поднятыми вверх руками, как будто он только что проснулся; другой стоял перед ним и [тоже] зевал, протянув руки к первому. Обломов уверял, что они не зевали, а говорили друг другу речи. Вообще как два главные, так и прочие лица не обращали друг на друга ни малейшего внимания и смотрели своими большими глазами в разные стороны, как будто недоумевая, зачем они тут собрались. На пейзажах трава была нарисована такая зеленая и крупная, а небо такое синее, каких ни в какой земле не сыщешь. Зато рамки, рамки

¹⁶ – чудо!

Сам хозяин, однако, смотрел на всё это убранство

¹⁷ так холодно и рассеянно, как будто спрашивал глазами: «Кто сюда натащил и наставил всё это?» Может быть, от холодного воззрения Обломова на свою собственность, а может быть и еще от более холодного воззрения на тот же предмет слуги его Захара, вид кабинета, если осмотреть там всё повнимательнее, поражал господствующую в нем запущенностью и небрежностью. По стенам, около картин, ложилась, в виде фестонов, паутина, [отягченна-я] напитанная пылью; зеркала «л. 3 об.» могли бы служить скорее для *записывания* на них, по пыли, назидательных изречений, нежели для того, чтоб смотреться в них.

¹⁸ На диване лежало забытое полотенце или другое белье; на столе стояла не убранная от вчерашнего обеда или завтрака

¹⁹ тарелка с обглоданной косточкой да валялись хлебные крошки.

Если б не эта тарелка да не прислоненная к [дивану] постели только что выкурная трубка, или не сам

10

хозяин, лежащий на ней, то можно было бы подумать, что тут никто не живет: так всё запылилось, полиняло и вообще лишено было живых следов человеческого присутствия. На этажерках, правда, лежали две-три развернутые книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница с перьями. Но страницы, на которых развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтели: видно, что их бросили давно; номер газеты был прошлогодний, а из чернильницы, если обмакнуть в нее перо, вылетели бы разве только с жужжаньем две-три испуганные мухи.

²⁰ «л. 4»

[Пробило полчаса десятого.] Илья Ильич проснулся, против обыкновения, очень рано, часов в восемь. Он чем-то сильно озабочен.

²¹ На лице у него попеременно выступалки страх, тоска и досада.

²² Видно было, что его одолевала внутренняя борьба, а ум еще не являлся на рещение вопроса.

[Иль-я Ильич], проснувшись, тотчас хотел встать.]

Дело в том, что [Илья Ильич] Обломов накануне получил [неприятное письмо от] [из деревни письмо от своего старосты] из деревни от своего старосты письмо неприятного содержания. [Но] [Он писал] Известно, о каких неприятно-

стях может писать староста:

²⁴ неурожаи, недоимки, уменьшение дохода и т. п. Надо было подумать о средствах к принятию каких-нибудь мер. Вот эта-то

²⁵ забота и мучила Обломова.

11

Он, как только проснулся, тотчас же хотел

²⁷ встать

²⁸ и подумать хорошенько о делах. Но потом решил кое-что записать на память и вообще заняться этим делом серьезно.

²⁹ Но потом решил,

³⁰ что успеет еще сделать это и после чаю, а чай можно пить и в постеле.

³¹ Так и сделал. После чаю он было

³² уже присел в постеле, с тем чтоб встать,

³³ но опять передумал: он [любил] непосредственно, вслед за чаем, любил покурить и не терпел никаких промежутков между чаем и трубкой или сигарой.

³⁴ Куренье продолжалось около часа.

– Ну, теперь можно и встать: умыться и помолиться,

³⁵ – решил он, поглядывая на туфли. Он даже и начал было спускать одну ногу,

³⁶ но тотчас подобрал ее. – Еще минут пять

³⁷ полежу, – сказал он сам себе, – пять минут не бог знает что...

³⁸

[В это время про«било»] Через несколько минут

³⁹ пробило половина десятого.

⁴⁰

12

– Что ж это я не встаю? – сказал он вслух с досадой, – в самом деле, надо

⁴¹ совесть знать.

⁴² Захар, Захар! – закричал он.

В комнате, которая отделялась только небольшим коридором от комнаты

⁴³ Ильи Ильича, послышалось сначала точно ворчанье цепной собаки, потом стук ног как будто спрыгнувшего откуда-то человека.

⁴⁴ Это Захар спрыгнул с лежанки, на которой обыкновенно проводил время, сидя погруженный в дремоту.

В комнату вошел пожилой человек в сером сюртуке, с прорехой под мышкой, [из] откуда торчал кусок

⁴⁵ рубашки, в сером же жилете с медными пуговицами, с голым, как колено, черепом и с необъятно широкими и густыми русыми с проседью бакенбардами, из которой каждой стало бы на три бороды.

⁴⁶

13
Эта пара бакенбард делали [его] Захара

⁴⁷ не только заметным лицом в огромном доме, где он жил, но снискали ему даже почет

⁴⁸ между разнородной

⁴⁹ дворовой челядью, какой иному в другом быту снискивают пара лошадей, ум,

⁵⁰ талант или что-нибудь подобное. Все звали Захара по имени, по отчеству и предоставляли ему первенствующую роль на сходках.

⁵¹ А две няньки того дома пугали им детей, когда они упрямылись и плакали, грозя отдать их буке.

Илья Ил^ьич, погруженный в задумчивость, долго не замечал Захара. Захар стоял перед ним молча, неблагоприятно, немного стороной поглядывая на барина.

⁵² Наконец он кашлянул.

– Что ты? – спросил Ил^ья Ил^ьич.

– Ведь вы звали?

⁵³ Нет, это я так, поди себе.

⁵⁴ Захар ушел, а Ил^ья Ил^ьич продолжал лежать.

14

Прошло четверть часа.

– Ну, теперь, кажется, полно лежать? – сказал Илья Ил^ьич, – [может, теперь] надо же встать... когда-нибудь. – Захар!

⁵⁶ Опять тот же прыжок, ворчанье сильнее. Захар вошел в комнату.

Обломов

⁵⁷ погрузился в задумчивость.

Захар стоял минуты две, неблагоприятно, немного стороной посматривая на барина, и наконец пошел к дверям.

– Куда же ты? – вдруг спросил Обломов.

– Да ведь вы ничего

⁵⁹ не говорите, так что ж мне тут стоять-то даром? – захрипел Захар, за неимением другого голоса, стоя на полуобороте среди комнаты и глядя еще более стороной на Обломова.

– А у тебя разве ноги отсохли, что ты не можешь постоять? Ты видишь, я озабочен, так и подожди. Не належался еще там? Сыщи письмо, что я вчера от старосты получил. Куда-то ты его дел?

– Какое письмо? Я никакого письма не видал, – хрипел Захар.

– Ну как не видал? Я еще читал вчера; ты же от почтальона принял его, [серое] грязное такое.

– Куда ж вы его положили? почему мне знать? – говорил Захар, [ощ^упывая] шудая по столу руками и приподнимая разные вещи.

– Ты никогда ничего не знаешь; ну вон там в корзине посмотри – или не завалилось ли за диван? Вон [диван-то] спинка-то у дивана до сих пор не починена: что бы тебе призвать столяра да велеть починить? Ни о чем не подумаешь! Ну,⁶¹ пошел.

15

– Вот какие-то письма.

– Э! [это] совсем не то.

– Ну так нет больше, – прохрипел Захар, разводя руками и оглядывая комнату кругом.

– Ну хорошо, поди, – с нетерпением сказал Ил'ья Ил'ич, – я [сам] встану, сам найду.

Захар пошел к себе, но только было он уперся

⁶³ руками о лежанку, чтобы прыгнуть на нее, как опять послышался торопливый крик: «Захар, Захар!»

– Ах ты, Господи! – ворчал Захар, отправляясь опять в кабинет. – Что это за мученье! Хоть бы смерть скорей пришла. Чего вам? – сказал он, [дойдя до половины в кабинет и] придерживаясь одной рукой за дверь кабинета и глядя на Обломова, в знак неблаговоления, до того стороной,

⁶⁴ «л. б» что ему приходилось видеть барина вполглаза, а барину видна была только одна необъятная бакенбарда, из которой так и ждешь, что вылетят вдруг две-три птицы.

– Ты никогда не сделаешь [сам] своего дела как следует: посмотри! – строго заметил Илья Ил'ич, указывая себе на нос, – ты видишь, что барину нужен платок, а не подашь: всё тебе ткни. Ну же: где платок? поскорее.

Захар не обнаружил никакого особенного неудовольствия или удивления при этом приказании и упреке барина, находя, вероятно, с своей стороны и то и другое весьма естественным.

– А кто его знает, где платок, – хрипел он, обходя вокруг комнату и ощупывая каждый стул, хотя и так можно было видеть, что на стульях ничего не лежит. – Всё теряете, – заметил он, отворяя дверь в гостиную, чтоб посмотреть, нет ли там.

– Куда? здесь ищи: я с третьего дня там не был. Да скорей же! – говорил Ил'ья Ил'ич.

16

– Где платок, нету платка! – говорил Захар, разводя руками и озираясь во все углы. – Да вот он, – вдруг сердито захрипел он, – под вами: вон конец торчит; сами лежите на нем, а спрашиваете платка.

И, не дожидаясь ответа, Захар пошел было вон. Обломову стало немного неловко от собственного промаха, но он, однако ж, нашел средство не показаться виноватым перед Захаром.

– Ты же, я думаю, сунул под меня, – сказал он, – от тебя всё станется! за тобой только не посмотри: вон какая у тебя чистота везде! [Эх!] Пыли-то, грязи-то: Боже мой, Боже мой! Вон, вон: погляди-ка в углах-то: ничего не делаешь!

– [Я] Уж коли я ничего не делаю, – говорил

⁶⁵ Захар обиженным голосом, – так пусть меня Господь Бог накажет; стараюсь, стараюсь – жизни не жалею. И пыль-то стираю, и мету-то почти каждый день...

Он указал на середину пола и на стол, где

⁶⁶ Обломов обедал.

– Вон, вон, – говорил он, – всё подметено, прибрано, словно к свадьбе.

– А это что? – прервал Ил'ья Ил'ич, указывая на стены и потолок, – а это? а это? – Он указал и на брошенное со вчерашнего дня полотенце, и на забытую на столе тарелку с солонкой.

– Ну это, пожалуй, уберу, – сказал Захар снисходительно, взяв тарелку с солонкой.

⁶⁷ – Я бы и рад убрать, да вы не даете,

⁶⁸ – сказал Захар.

– Ну вот, пошел свое: как это я не даю?